

ПУГАЧЕВСКИЙ ПОЛКОВНИК ГАВРИЛА ЛИХАЧЕВ

Р. В. Овчинников

О полковнике Лихачеве нет почти никаких данных в литературе, освещающей события Крестьянской войны 1773—1775 годов¹. Чаще это имя встречается в опубликованных документальных источниках. Так, сохранился протокол допроса А. Ф. Поторчинова, посадского человека из г. Слободского Вятской провинции, который служил писарем в отряде Лихачева. В показаниях на допросе в Казанской секретной комиссии он сообщил, что в начале июля 1774 г. Е. И. Пугачев, проходя село Мамадыш, послал есаула Г. Лихачева с сотником Н. Чваниным (Ивановым) «для набора в казаки» по селениям Зюрейской дороги Казанского уезда «с наставлениями для обольщения народа, с тем, чтоб по наборе оных доставить к Казане, и, если где противиться станут, то писать о том к нему». С ними был и Поторчинов. В разных деревнях Зюрейской дороги Лихачев набрал до 200 крестьян, с которыми и «последовали они к Казане» в войско Пугачева. Не доходя 40 верст до города, он получил известие о том, что там действует карательный корпус подполковника И. И. Михельсона. Лихачев повернул обратно и по той же Зюрейской дороге добрался до дер. Панова Гора, где соединился с отрядом пугачевского полковника В. Канкаева, у которого было «набранных же ис татар и из русских, человек до шестисот». Оттуда Канкаев и Лихачев отправились к татарской дер. Зюри. Некоторое время спустя Канкаев послал Лихачева с отрядом из 400 повстанцев в дворцовую Рыбную слободу. Поторчинов из-за болезни остался в дер. Зюри, близ которой отряд Канкаева 27 июля 1774 г. был разгромлен карателями. Вскоре Поторчинов попал в плен².

При разгроме повстанцев в руки карателей попала повозка с архивом походной канцелярии В. Канкаева. Среди этих бумаг были донесения Канкаева и Лихачева, адресованные Пугачеву и его Военной коллегии, с отчетом о боевых операциях в юго-восточных волостях Казанского уезда, в междуречье Волги, Камы и Вятки в июле 1774 г., а также рапорты Лихачева Канкаеву от того же времени³. В этих рапортах Лихачев выказал себя сторонником активных действий, человеком высокого долга и ответственности. 25 июля 1774 г. он, упрекая Канкаева в нерешительности и промедлении с подготовкой совместного удара по карателям у Рыбной слободы, писал: «По получении сего пришли ко мне две пушки большая с порохом и свинцом, ежели сам не едешь, да дай еще хороших казаков ко мне в команду два ста человек со оружием. А с остальными оставайся, зане мы не ходим воевать, но, видно, только ходим по деревням пировать, которое наше дело смеху достойно»⁴. Именно это высказывание Лихачева стало для нас побудительным мотивом к розыску биографических сведений для воссоздания его жизненного пути.

Прежде всего надлежало установить происхождение Лихачева. Кем был он по своему социальному положению: казак, посадский человек, крестьянин? В Центральной государственном военно-историческом архиве СССР в материалах военно-походной канцелярии генерал-поручика Ф. Ф. Щербатова, командовавшего в мае — июле 1774 г. карательными войсками царского правительства, был найден адресованный ему рапорт подполковника С. В. Неклюдова от 25 июля 1774 года. Последний доносил, что в тот день он дал бой повстанческому отряду в селе Батеряково (в 15 верстах от Рыбной слободы) и захваченные в плен объявили, что ими командовал «называющейся полковником Лихачев, слуга дворянина сей фамилии»⁵. Эти данные уда-

¹ «Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева». Т. II. Л. 1966, стр. 470; т. III. Л. 1970, стр. 73.

² «Пугачевщина». Т. II. М.-Л. 1929, стр. 324—325.

³ «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг.». М. 1975, док. №№ 496, 497, 500, 504, 510, 513—515, 517, 519—522.

⁴ Там же, док. № 522.

⁵ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 1240, лл. 475—475 об.

лось существенно пополнить обнаруженными в Центральном государственном архиве древних актов показаниями крестьянина Рыбной слободы Н. И. Чванина, который был сотником в отряде Лихачева. Во время следствия Чванин рассказал, что в начале июля 1774 г. в стане Пугачева, в селе Мамадыш, ему встретился Лихачев, «знакомой Казанского уезду помещика Лихачева из деревни Шиланки крестьянин, называемый полковником, Гаврила Макаров»⁶.

Показания Чванина открыли путь к поиску других сведений о Лихачеве. В ревизской сказке, поданной 10 июня 1762 г. выборным С. Яковлевым и старостой С. Никитиным, в дер. Шиланке Ногайской дороги Казанского уезда среди крестьян, принадлежавших помещикам лейб-гвардии Семеновского полка фурьеру Николаю и солдату Александру Лихачевым, вписана семья крестьянина Макара Петрова (55 лет) и жены его Авдотьи Степановой (50 лет). У них было четверо сыновей: Андрей (21 год), Козьма (17 лет), Лукьян (11 лет) и Гаврила (15 лет)⁷ — будущий пугачевский полковник, которому, следовательно, в 1774 г. было всего 27 лет. Не удалось, к сожалению, установить, когда именно Лихачев примкнул к повстанцам. Из показаний Чванина известно, что, будучи в селе Мамадыш, он слышал от самого Лихачева, что тот ходит с Пугачевым «немалое время»⁸. А его действия в ходе Крестьянской войны, начиная от встречи с Пугачевым в Мамадыше и вплоть до финальной схватки с карателями у дер. Мелеклес в Удмуртии, воссоздаются уже с достаточной последовательностью по различным источникам.

Посылая Г. М. Лихачева из села Мамадыш на Зюрейскую дорогу для набора крестьян в казаки, Е. И. Пугачев имел целью пополнить свое войско и одновременно прикрыть его арьергард от наступающих с востока карательных отрядов И. И. Михельсона и генерал-майора П. М. Голицына. Такое же задание Пугачева получил и Б. Канкаев. 7 июля 1774 г. Пугачев выступил из Мамадыша к Казани, три дня спустя отправился в свою экспедицию и Лихачев. В середине июля он пошел на соединение с Пугачевым к Казани. К тому времени город и ближние подступы к нему стали ареной важных событий. 12 июля Пугачев на несколько часов овладел им (кроме Кремля, в котором засел местный гарнизон и укрылись состоятельные жители города). Вечером того же дня на Арском поле под Казанью произошло сражение между войсками Пугачева и корпусом Михельсона. После битвы, не выявившей победителя, Пугачев отвел свои отряды за реку Казанку. 13 июля — новые столкновения Пугачева с Михельсоном. Не одолев неприятеля, Пугачев отошел к селу Сухая Река, где в течение двух дней готовился к штурму Казани, спешно пополняя свою рать крестьянами из местных селений. Сражение развернулось 15 июля. В упорном 4-часовом бою 25-тысячное войско Пугачева было разбито и рассеяно по окрестным лесам, до 5 тыс. повстанцев попало в плен. Потеряв до 2 тыс. убитыми и всю артиллерию, Пугачев с четырьмя сотнями всадников ушел к Кокшайску.

Накануне этой битвы в 40 верстах от Казани, у деревни Шапши (Шатши), Лихачев столкнулся с одной из команд корпуса Михельсона. Отряд Лихачева был разгромлен, а сам он «не более, как в десяти человеках», отступил к селу Комаровскому, где вновь собрал большую группу повстанцев⁹. Не сумев пробиться к Пугачеву, он, однако, не собирался прекращать борьбу. Узнав, что поблизости от него находится отряд Б. Канкаева, Лихачев 15 июля из села Елагина (Елаги) послал к нему донесение, в котором предлагал «поспешать в армию к нам, и совокупитца эбще, и следовать в армию» Пугачева «х городу Казани, как наивозможно»¹⁰. Два дня спустя он получил от Канкаева приказ немедленно выступить для соединения с ним в дер. Савруши. В тот же день Лихачев рапортовал, что «нынешнее число я со своею армиею в деревню Савруш для сообщения армии и спешил, но токмо за дальностию и за пынешним воздухом теплоты не успел, а и пребуду сию ночь в деревне Верхней

⁶ ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 507, ч. IV, лл. 488—488 об. В последующем Чванин всюду называл Лихачева Макаровым. В XVIII в. существовал обычай давать крепостным крестьянам фамилию их владельца. Полковник Гаврила Макарович Лихачев именовал себя в документах фамилией своего помещика Н. Л. Лихачева.

⁷ Там же, ф. 350, оп. 1, III ревизия, кн. 127 по Казанскому уезду, л. 341.

⁸ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 507, ч. IV, лл. 488—488 об.

⁹ Там же, д. 467, ч. IV, л. 200.

¹⁰ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 500.

Метяксе» и что на следующий день «маршировать к вашему высокородию могу пораннее»¹¹. Орденом от 18 июля Канкаев предложил Лихачеву ускорить прибытие его отряда в Савруши: «Поспешай, пожалуй, вскорости ко мне, я и поныне нахожусь в деревне Саврушах. Прибуди неотменно ко мне во оную деревню, что у тебя есть команды со всей, и совокупим ю вместе, и так неопасно будет иттить противу сопостат наших, куда принадлежит»¹². Видимо, в тот же день Лихачев привел свой отряд в эту деревню и соединил его с войском Канкаева¹³.

19 июля Канкаев и Лихачев отправили в Военную коллегию Пугачева рапорт, в котором доносили, что у них в соединении находится до 2 тыс. повстанцев при 5 пушках; этими силами они охраняют дороги и переправы через реки, имея почти ежедневные стычки с карателями; недавно соседний отряд из 700 повстанцев разбил неприятельскую команду, но в этом бою один из предводителей восставших, полковой старшина А. Мустаев, понес большой урон — потерял 7 пушек и 9 тыс. руб. полковой казны. Канкаев и Лихачев просили прислать боеприпасы, порох, свинец и сообщить, где находится главное войско восставших¹⁴.

Канкаев и Лихачев еще не знали, что Пугачев, разбитый под Казанью, 16 июля переправился на правый берег Волги и не мог оказать помощь своим арьергардным отрядам, упорно боровшимся в междуречье Волги, Камы и Вятки. Канкаев с Лихачевым отправляли рапорты в Военную коллегию, будучи уверены, что Пугачев по-прежнему находится под Казанью, куда и сами они надеялись пробиться, прорвав кольцо карательных войск¹⁵. В рапорте от 21 июля Канкаев писал Военной коллегии: «Мы от армии в Государственную сию военную коллегию уже в четвертый раз репортуем, а напротив наших репортов никакого повеления не видали... А кого пошлем с репортом, те люди к нам назад не приходят». Он доносил также, что команды из его отряда охраняют дороги и переправу через Каму и Вятку¹⁶.

22 июля Канкаев и Лихачев с 2-тысячным отрядом повстанцев обосновались в дер. Карашурма, продолжая охранять разъездными командами и пикетами дороги и переправы через близлежащие реки. Сообщая об этом Военной коллегии в рапорте от 22 июля, они извещали Пугачева о трудностях продовольственного обеспечения отряда, так как, хотя в окрестных селениях и нет помещиков, оставшиеся там «прикащики их чинят великую противность и хлеба не привозят для армий» восставших. В этом же рапорте они писали, что до сих пор «не получивали» указов от него, Пугачева, и просили прислать боеприпасы для артиллерии¹⁷.

Сохранился черновик другого рапорта Канкаева и Лихачева в Военную коллегию от того же 22 июля, где они писали, что получили от татарина А. Максютюва известие относительно появления на левом берегу Камы значительного повстанческого отряда походного старшины К. Муратова, однако он не решается переправиться через Каму без особого указа Пугачева. Тем не менее Канкаев своей властью обратился к Муратову с просьбой, «чтоб чрез Каму переправитца, и совокупить армию вообще, и следовать к Казани»¹⁸. И действительно, среди бумаг архива Канкаева сохранилось письмо, отправленное им 22 июля Муратову, в котором сообщалось, что он с 2-тысячным отрядом находится в дер. Карашурма и просит Муратова, чтобы тот «со своею армиею, как возможно, поспешить для совокупления во едино общество с нашей армией. А батюшко наш [Пугачев], слышно, от Казани марширует к Москве»¹⁹. Однако предлагаемое Канкаевым соединение с закамским повстанческим отрядом Муратова не состоялось из-за начавшихся вскоре действий карателей в Нижнем Прикамье.

Отход Пугачева на правый берег Волги дал возможность царскому командованию принять меры к подавлению отдельных очагов крестьянских волнений в юго-

¹¹ Там же, док. № 504.

¹² Там же, док. № 508.

¹³ «Пугачевщина». Т. II, стр. 325.

¹⁴ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 510.

¹⁵ Там же, док. №№ 510, 513—515.

¹⁶ Там же, док. № 513.

¹⁷ Там же, док. № 514.

¹⁸ Там же, док. № 515.

¹⁹ Там же, док. № 516.

восточных волостях Казанского уезда, сосредоточив основное внимание на операциях против отрядов Канкаева и Лихачева. 20 июля капитан И. Суворов, находившийся с карательной командой в селе Шуран, доносил Щербатову о волнениях в Рыбной слободе, откуда в села Шуран и Бетки приезжали взбунтовавшиеся крестьяне с «злодейскими письмами». Суворов сообщал также о появлении в 30 верстах от Шурана, в деревнях Савруши, Шармуши и Синцовари крупных отрядов повстанцев²⁰, которыми предводительствовали Канкаев и Лихачев, соединившиеся в дер. Савруши. 21 июля секунд-майор Ф. Черносвитов рапортовал Щербатову, что им получено известие о появлении передового отряда повстанцев (до 300 человек) в селе Батеряково, в 15 верстах от Рыбной слободы, которые, видимо, шли на соединение со взбунтовавшимися рыбнослободскими крестьянами²¹.

Щербатов и Казанская секретная комиссия отправили в Рыбную слободу подполковника С. В. Неклюдова с полусотней солдат казанского гарнизона. Прибыв туда, Неклюдов «исполнил экзекуцию» — порку плетью зачинщиков волнений и приказал волостному старосте к 23 июля набрать и вооружить 200 «мужиков... здешней волости» для подкрепления карательной команды. Он писал Щербатову, что, по слухам, 21 июля отряд из 300 повстанцев был в дер. Некрасовой, в 12 верстах от Рыбной слободы, а потом возвратился обратно в свое «гнездо на Зюрейской дороге». Управитель Шумбутского винокуренного завода сообщил Неклюдову, что завод этот, находящийся в 40 верстах от Рыбной слободы, захвачен и разгромлен отрядом из 700 повстанцев. Неклюдов извещал Щербатова, что он ведет подготовку к удару по действующим здесь повстанческим отрядам²². 22 июля Неклюдов отправил разведчиков в окрестные селения. Возвратившись в Рыбную слободу, те донесли, что, добравшись до дер. Казыли, узнали о нахождении в 10 верстах от нее, в дер. Савруши, отряда повстанцев (до 1 тыс. человек) при 6 пушках. Этими повстанцами командовали Канкаев и Лихачев. Неклюдов не отважился тотчас же пойти против них, объясняя в рапорте Щербатову, что «я, имея так малую команду и не имея ни одной пушки, также и кавалерии, атаковать злодеев нахожу себя слабым»²³.

Что же происходило в это время в лагере повстанцев? Получив известие о волнениях крестьян в Рыбной слободе и окрестных деревнях, Канкаев и Лихачев решили оказать им помощь, направив туда отряд. Как показал на допросе А. Ф. Поторчинов, Канкаев послал Лихачева «в дворцовую Рыбную слободу для такого ж обольщения с злодейским наставлением, с толпою человек до четырехсот»²⁴. Лихачев выступил в поход 22 июля. На следующий день он прибыл в дер. Меретяки, где нашел своего отца М. П. Лихачева, бежавшего из Рыбной слободы, который и сообщил ему о выступавшей против повстанцев карательной команде. Известив об этом Канкаева в рапорте от 23 июля, Лихачев просил прислать ему подкрепление «казаков ста три или пять со оружием» или же «мне прикажите отбратно к себе ж отстунить», добавляя, что «ежели силы не пришлешь сею ж ночью, вскорости пришли ко мне письменную ведомость, как ваше высокородие разсудите к лутчему спастися нам от злодеев». Сам же Лихачев, указывая на слабость неприятеля, склонял Канкаева к немедленному выступлению: «А силы злодейской, сказывают, только два ста. То как соблаговолите: прибутте ко мне со всей командой, не можно ли их, злодеев, разбить, о том сами, ваше высокородие, добро разсудите, но только вскорости мене уведомя сию ж ночь»²⁵.

Вечером 23 июля в дер. Меретяки к Лихачеву пришел посланный Канкаевым есаул Е. Иванов с сотней казаков. Благодаря Канкаева за это подкрепление, Лихачев просил, чтобы и он со всем его отрядом прибыл в Меретяки, взяв также с собой старшину А. Мустаева с командой, чтобы всем «совокупитца обще, иттить под злодеев в Рыбную слободу», так как отряд карателей там пока еще слаб и малочислен. «А в Рыбной слободе,— продолжал он,— слышно подлинно, яко злодеев только находитца в собрании из деревень до двухсот человек,.. а настоящей злодейской команды

²⁰ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 1240, лл. 431—431 об.

²¹ Там же, лл. 417 об.— 418.

²² Там же, лл. 437—437 об.

²³ Там же, л. 449.

²⁴ «Пугачевщина». Т. II, стр. 325.

²⁵ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 517.

гарнизонных солдат до 50 человек»²⁶; в тот же день Лихачев отправил к Канкаеву новый рапорт, в котором вновь благодарил его за присылку сотни Е. Иванова и вместе с тем сетовал на то, что «и по сие число я вашего пришествия не вижу». Что же касается собственных его планов, то Лихачев сообщал, что он на следующий день, «как бог даст свет, со всею своею армиею следовать буду ко истреблению злодейской партии», и извещал Канкаева о том, что «от Сибирской стороны идет на помощь его величеству, батюшке нашему [Пугачеву], армии до 20 тысяч человек»²⁷. Конечно, это были явно фантастические сведения, так как такой армии в действительности не имелось, а существовал лишь отряд К. Муратова, блокированный в Закамье карательными командами.

Слухи о 20-тысячной армии повстанцев, будто бы следовавшей на соединение с Пугачевым «от Сибирской стороны», дезориентировали, видимо, Канкаева, который решил, ожидая подхода этой «армии», придерживаться выжидательной тактики, рекомендуя тот же образ действий и Лихачеву. В приказе Лихачеву от 24 июля Канкаев писал: «Получил я оный рапорт, в котором между прочим написано, что де здесь армии нашего государя до 20 тысяч, а где она состоит, — и вам их уведомлять, чтоб они поспешали ко мне, полковнику Бахтияру, а у меня армии ж состоит 2000 человек. А вы, господин есаул Лихачев, где ныне находитесь, ежели в деревне Меретяк, во оной и быть, а я ныне состою в деревне Дзюрии²⁸, и вам в Меретяке быть для осторожности от злодеев. А я с тою [армией] в Казани и со всею армиею имею осторожность»²⁹. Однако Лихачев не был склонен отказаться от решительного удара по неприятелю. Вступив вечером 24 июля в село Батеряково, он отправил к Канкаеву рапорт, в котором призывал его к совместному наступлению на Рыбную слободу, используя слабость карателей: «Есть де команда злодейская в Рыбной слободе, пятьдесят человек, набирали де они к себе казаков бетковских³⁰ и обратно ныне их в дома отпустили с тем, — послали де они, злодеи, по пушки, тогда и оных казаков хотели к себе взять. Того ради покорно весьма прошу и я господина полковника, чтоб вскорости, неотменно по получении сего, ко мне в команду со всею своею командою прибыть, где я буду, чтоб вскорости и пойдем в оную Рыбную слободу по Каме: у них пушек нет. Не можно ль их, злодеев, скоренить? Пожалуй, вскорости прибудь, по получении сего, не мешкая»³¹. Канкаев остался глух к этому призыву Лихачева.

25 июля Лихачев отправил Канкаеву рапорт с обвинениями его в нерешительности и бездействии: «Писал я до вас трижды, чтоб ко мне прибыть со всею командою для искоренения злодеев, понеже их только 50 человек стоит в Рыбной слободе. На что сего июля 25 числа получен от тебя ордер, в коем писано, что ко мне не идешь, в чем на что ты я на оныя репорты в последние³² уже пишу... Я слышал, что у тебе есть большия медныя две пушки, их с оными дву стами человек, ежели сам не едешь, то [пришли] людей вскорости. А я ныне [в деревне] Батерякове, все благополучно с командою. А минувшего числа сего течения, то есть 24-го, ходил я под Рыбную слободу, смело полонил одиннадцать человек к себе казаков же, собранных з жительство. Того ради, ежели не прибудешь, то на божью волю пойдем на неприятелей. Как мне отступать дале к Каме велишь, то вскорости по получении сего, ко мне дай знать письменно»³³. Канкаев успел получить этот рапорт, но опоздал послать подкрепление Лихачеву, что имело губительные последствия и для отряда Лихачева и для войска самого Канкаева.

Пока предводители повстанцев пререкались, положение изменилось. Подполковник Неклюдов пополнил свою команду солдатами и пушками из Казани. Оттуда же на Зюрейскую дорогу отправились поручик Н. Калалай и прапорщик П. Тoverкин с конными отрядами гусар и казаков. Выступив 25 июля из Рыбной слободы и пройдя

²⁶ Там же, док. № 519.

²⁷ Там же, док. № 520.

²⁸ Так в оригинале, правильно: Зюри.

²⁹ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 518.

³⁰ Крестьяне из села Бетки на Каме.

³¹ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 521.

³² То есть в последний раз.

³³ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. № 522.

15 верст до села Батеряково, Неклюдов атаковал отряд Лихачева, у которого было 400 повстанцев из русских крестьян и татар и две пушки. Повстанцы потеряли до 70 человек убитыми, каратели отбили пушки и 43 лихачевцев взяли в плен, все они «по нещадном наказании распушены по домам». Разрозненные группы повстанцев «все по лесу разбежались», а их предводитель Лихачев «ушел не более как сам четверт». По свидетельству Неклюдова, в отряде Лихачева преобладали крестьяне «из окольных жительство». Когда Неклюдов вступил в село Батеряково, «то из жителей никою не нашел, а все, быв на сражении з злодейской стороны, с ними обще бежали». Разгромив Лихачева, каратели намеревались нанести следующий удар по отряду Канкаева. Этот отряд «с толикою ж толпою и с двумя пушками стейт в Зюрее, куда завтра я и отправлюсь, разстоянием отсюда верст сорок»³⁴, — писал Неклюдов в рапорте от 25 июля генералу Щербатову из села Батеряково. Однако его опередили команды ТOVERКИНА и КАЛАЛАЯ. 25 июля ТOVERКИН разбил передовую партию (до 150 повстанцев) отряда Канкаева у дер. Большие Зюри, а 27 июля, соединившись с командой КАЛАЛАЯ, разгромил и главные силы Канкаева между деревнями Малые Зюри и Черучевой. Сам Канкаев «в лес бежал с малым числом» людей³⁵. К концу июля 1774 г. карателям удалось подавить волнения в Прикамье, отгеснив разрозненные группы повстанцев на север, в леса за Арском, и на восток, к реке Вятке³⁶.

Что же стало с Лихачевым? После поражения в бою 25 июля у села Батеряково он с сотником Н. И. Чваниным и чувашем Е. Петровым ушел к реке Вятке «для набрания казаков» в новый отряд³⁷. Затем он хотел соединиться с пугачевским полковником Волковым, который будто бы собрал у Воткинского завода отряд из 3 тыс. крестьян и мастеровых. Переправившись через Вятку на Бурецком перевозе, Лихачев и его спутники добрались до удмуртской деревни Собакиной, возле которой и встретили Волкова с шестью казаками. Здесь, как вспоминал Чванин, Лихачев и Волков «в разговорах употребляли, чтоб по набрании людей итти обоим на Уржум и на Казань. И постоя малое время на поле, расетались. Волков сказал, что он для набору людей поедет к казенному Воткинскому заводу»³⁸. После этого Лихачев, Чванин и Петров поехали по удмуртским деревням («по вотяцким жительство»), где забирали в свой отряд крестьян-удмуртов («вотьяков»).

В начале августа 1774 г. Лихачев действовал в 70 верстах к востоку от р. Вятки, в непосредственной близости от Ижевского завода, затем направился на запад, к Уржуму, вечером 5 августа вступил в село Нылгу и остановился в доме местного священника А. Федорова. Священник показывал впоследствии на допросе, что, когда он узнал о приезде в Нылгу пугачевского полковника, «в самое то время их села новокрещены принесли рыбы... в подарок, которую варил чередовой староста новокрещен Иван Никифоров в моем доме. И так поужинавши, у меня три человека ночевали, протчия ж разделились по новокрещенским домам, а несколько во всю ночь, около моего дому объезжая, были для караулу». Лихачев говорил священнику, что он Пугачевым, «именуя его государем Петром Федоровичем, послан набирать в службу ево в казаки с указом»³⁹.

6 августа повстанцы выехали из Нылги, взяв с собой дьячка У. Анисимова. Лихачев приказал ему «ехать с ним по деревням для записки: сколько ково он, Лихачев, возьмет к себе в толпу и для чтения указа» Пугачева. А в том указе «обещано от податей дать льготу»⁴⁰. Упоминание о льготах народу сближает содержание названного указа Пугачева с его же указами от июня 1774 г., которыми он освобождал народ от крепостной неволи, рекрутского набора, платежа подушной подати и объявлял о ликвидации старой администрации⁴¹. На следствии Анисимов показал,

³⁴ ЦГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 1240, лл. 475—475 об.

³⁵ Там же, лл. 509—510. В течение всего 1774 г. власти предпринимали меры к розыску и аресту Канкаева, но он бесследно исчез, скрывшись, по слухам, в Северо-Восточной Башкирии.

³⁶ Там же, лл. 2—2 об.

³⁷ ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 467, ч. IV, л. 200.

³⁸ Там же, д. 507, ч. IV, лл. 490—490 об.

³⁹ Там же, лл. 212—212 об.

⁴⁰ Там же, д. 467, ч. IV, л. 208.

⁴¹ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», док. №№ 34, 36; см. также указы повстанческой Военной коллегии от июня 1774 г. (там же, док. №№ 72, 73).

что Лихачев раздобыл указ Пугачева в селе Вавож-Можги через содействие удмурта Ф. Федорова (по-удмуртски Параткол), который знал, что указ этот хранился у священника того же села Т. Иванова. Лихачев приказал Анисимову снять копию с указа. Последний вспоминал, что, «по-видимому, тот указ рукою писан какого-либо семинаристского школьника или церковника»⁴². Был допрошен по поводу этого указа и сотник Ф. Федоров, который сообщил, что «показанной поп Иванов сказывал ему, что он тот указ получил таким образом: имел де он надобность ехать в Казань и нечаянно на дороге захвачен... разбездом и приведен х Казане, где представлен к самому... Пугачеву, который дал ему указ о разглашении об нем»⁴³.

Из села Вавож-Можги Лихачев повел свой отряд к Уржуму, пополняя его людьми из попутных деревень. 7 августа он побывал в деревнях Водзи-Моньи и Седьмурчиной, 8 августа — в деревнях Большая и Малая Кильмезь и Мелеклес. Отряд к тому времени насчитывал до 50 повстанцев из русских крестьян, удмуртов и марийцев. О характере действий Лихачева в этом районе говорят объявления и сказки, поданные сельскими властями предводителю карательной команды казанского гарнизона плац-майору Г. Еленеву. Сотник дер. Седьмурчиной М. Семенов и писарь П. Лошкин сообщали, что, приехав 7 августа в их деревню, повстанцы, «собравши весь народ, читая нам от ...Пугачева манифест, упоминая сво императором, и притом требовали от пяти душ казаков», захватили у состоятельных сельчан деньги и лошадей, «угрожая, кто не явитца послушен, бить до смерти и вешать. Почему наш устрашенной народ все по воли их исполняли, дав им в казаки пять человек»⁴⁴. В дер. Большой Кильмезь Лихачев, «объявляя манифест» Пугачева и называя его «императором», уговаривал жителей вступить в повстанческий отряд. Он, «обещая и денежное награждение», захватил лошадей и велел «к утрему... приписти молодых 50 человек»⁴⁵. В ночь на 9 августа, войдя в дер. Мелеклес с полусотней повстанцев, Лихачев, «наперво потребовав старосту и весь народ, и читая манифест» Пугачева, приказал «в службу казаков с пяти душ по одному человеку вооруженных» и велел «приготовить всех к утрему»⁴⁶.

Это была ночь накануне последнего боя Лихачева с карателями. По пятам за повстанцами следовала карательная команда Еленева. Узнав о ночевке Лихачева в дер. Мелеклес, Еленев окружил ее и врасплох атаковал повстанцев. В завязавшемся бою Лихачев был убит, 8 главных его сподвижников захвачены в плен, остальные «все разсыпались» по лесу. Трое пленных (Чванин, Петров и Анисимов) были тут же допрошены Еленевым и увезены в секретную комиссию в Казань. Пятерых пленных, новокрещен-удмуртов местных деревень Водзи-Моньи, Каравай-Зюньи, Сиваньи и Ягунь-Можги, велено было заковать в колодки и с «пристойным» конвоем отправить в Казанскую губернскую канцелярию. В приказе сотнику дер. Большая Кильмезь Е. Тимофееву от 9 августа 1774 г. Еленев писал, что убитый Г. Лихачев, «хотя и мертвой, но в страх протчим таковым же злодеям, а в поощрение верноподанным ея императорскаго величества, всемилюстивейшей нашей государыне, на дереве в вашей деревне повешен»⁴⁷, о чем велено объявить жителям окрестных деревень.

На одном из допросов Е. И. Пугачев заявил, что «похвальной быть со славою убиту», нежели отречься от дела всей жизни. Именно такую славу заслужил его сподвижник 27-летний полковник из крепостных крестьян Гаврила Макарович Лихачев, боровшийся до конца и попавший в руки врагов только мертвым. Посмертная казнь возвеличила его подвиг. Этот человек несгибаемого мужества и упорства, борец за освобождение народа от крепостной неволи, должен занять свое место в плеяде сподвижников Е. И. Пугачева и в летописи Крестьянской войны 1773—1775 годов.

⁴² ЦГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 467, ч. IV, лл. 201 об., 208 об.

⁴³ Там же, л. 221 об.

⁴⁴ Там же, лл. 204—204 об.

⁴⁵ Там же, лл. 202—202 об.

⁴⁶ Там же, лл. 203—203 об.

⁴⁷ Там же, ч. VII, лл. 304—304 об.